

УДК 821. 161. 1'36

Летова А. М.

Московский государственный областной университет

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

A. Letova

Moscow State Regional University

THE HISTORIC RESEARCH OF THE PHYTONYMIC VOCABULARY: LINGUISTIC-CULTURAL ASPECT

Аннотация. Статья посвящена теоретическому и лингвокультурологическому аспектам изучения фитонимической лексики. Теоретический аспект направлен на определение семантического объёма таких понятий, как: «фитоним», «фитонимика», «фитонимическая лексика», а также обосновывает использование указанных терминов в лингвистической литературе. В статье рассматриваются существующие с XIX в. подходы и пути лингвокультурологического изучения фитонимических единиц, обобщается опыт исследования данного фрагмента лексической системы на современном этапе.

Ключевые слова: фитоним, фитонимическая лексика, фитонимика, лингвокультурологический аспект, сакральный аспект, фольклор.

Abstract. The article deals with the theoretical and linguistic-cultural aspects of the phytonymic vocabulary. The theoretical aspect defines semantics of the terms «phytonym», «phytonymy», «phytonymic vocabulary» and justifies the usage of these terms in linguistic literature. The article also dwells on existing since 19th century linguistic-cultural research of phytonymic vocabulary and summarizes the experience of modern theories.

Keywords: phytonym, phytonymic vocabulary, phytonymy, linguistic-cultural aspect, sacral aspect, folklore.

Как известно, опыт духовного и культурного развития человека фиксируется наименованиями предметов и явлений окружающей действительности, поэтому изучению лексических единиц в языковедческой литературе уделяется особое внимание. Данная статья направлена на исследование научного материала, в котором разработаны и представлены основные пути анализа фитонимической лексики с позиций лингвокультурологии. Внимание к фитонимии обусловлено тем, что слова, номинирующие растения, фиксируют и отражают процесс познания и освоения мира флоры в русской культуре. Таким образом, исследование фитонимов позволяет решить терминологические, лингвокультурологические, этнолингвистические и лингвофольклористические проблемы.

Одной из актуальных проблем, связанных с историей исследования фитонимической лексики, является определение семантического объёма понятия «фитоним», т. к. в языкознании нет общепринятого толкования данного термина, несмотря на его активное использование в лингвистике, начиная с 70-х гг. XX века. Согласно исследованиям Ю.А. Дьяченко, в лингвистической науке существует как узкое, так и широкое понимание обозначенной терминологической единицы [7, с. 11-12]. Первые попытки толкования понятия были предприняты в отдельных статьях, в которых «фитоним» служил обозначением наи-

менованний «собственных индивидуальных растений» [7, с. 11-12], т. е. «фитонимика», представляющая собой совокупность названий реалий растительного мира, рассматривалась как особый раздел ономастики – лингвистической науки, «занимающейся всесторонним изучением имён собственных» [2, с. 7]. Применительно к лингвистическому анализу «фитоним» впервые был употреблен А.В. Суперанской в книге «Общая теория имени собственного», где говорилось об узком толковании данного понятия на примере исследования наименований таких растений, как: Царский дуб, Дерево плача и др. [13, с. 189]. Впоследствии «фитоним» в значении «собственное имя любого растения» использовался Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» [10, с. 158]. В широком понимании данное понятие было представлено в работах Т.А. Бобровой, рассматривавшей «фитоним» как «терминологическое название всех растений (малина, калина, базилик)» [7, с. 13]. Вследствие своего семантического развития и активного употребления в исследовательских трудах, посвящённых изучению номинативного и ономастического аспектов, термин «фитоним» в 90-х гг. XX в. в своем широком понимании был закреплен лексикографической практикой этимологических словарей и представлен как «ученый неологизм», «искон. греческое сочетание *phytonim* «растение» и *онума* «имя, название», «название растения (одуванчик, сосна)» [17, с. 343].

В нашей статье наряду с термином «фитоним», под которым подразумевается «семантическая общность наименований деревьев, трав, кустарников, цветов, ягод, овощных и иных культур», используется термин: «фитонимика» – «совокупность фитонимических единиц», «фитонимическая лексика» – «названия всей совокупности слов данного тематического пласта: собственно фитонимов, названий частей растений, собирательных существительных, производных прилагательных и т. д.» [7, с. 12].

Интерес к разноаспектному изучению фитонимической лексики проявлялся в отечественной лингвистике довольно устойчиво. Первые попытки лингвистического толкования народных названий растений, связанные с культурологическим аспектом изучения языковой системы, были сделаны в XIX в. Так, Ф.И. Буслаев, как основоположник отечественной мифологической школы, в своей статье «Значение собственных имен лютики, вильцы и волчки в истории языка» одним из первых обозначил связь наименований растительных реалий с жизнью народа, с его нравами, верованиями и пришёл к выводу, что: «...самая номенклатура народной ботаники ведёт нас в период мифологический» [5, с. 17]. В своих научных трудах Ф.И. Буслаев рассматривал слова прежде всего как элементы культуры, как «верное выражение преданий и обрядов, событий и предметов», поскольку «изобразительным воззрением слово живописало страсти и духовные способности человека, и своей изобразительностью порождало веру в вещественное явление духовного» [4, с. 8-9]. Таким образом, Ф.И. Буслаев указал на то, что фитонимические единицы необходимо исследовать только посредством обращения к символике мифологического восприятия окружающего мира, т. к. «...народ, образуя язык, находится в периоде бессознательного обоготворения сил природы: следовательно весь язык, прошедший этот период, удерживает на себе следы первоначального мышления» [4, с. 31].

Лингвокультурологический аспект изучения фитонимической лексики на основе мифологического подхода, намеченного Ф.И. Буслаевым, продолжили такие ученые, как М.И. Забылин, А.С. Будилович, А.С. Ермолов. М.И. Забылин в исследовании «Народный цветник» неоднократно указывал на невнимание этнографической науки к народной ботанике, в выводах по работе писал: «К сожалению, сведений весьма мало <...>, было бы весьма не дурно для полноты изучения нашего народного быта, как пособия»

истории, развить этими путями такие дорогие сведения, как наша <...> народная ботаника» [9, с. 438].

Значительный вклад в исследование тех названий растений, которые сохранили о себе память в обрядах, легендах, этнографических материалах, внёс А.С. Будилович. В своих трудах: «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным», «Несколько замечаний об изучении славянского мира» – учёный обращал внимание на установление этимологии некоторых названий растений на основе данных славянской мифологии, тем самым обозначил связь ботанической номинации с духовной, исторической и культурной жизнью славян [6, с. 12-53]. Задача этнографических исследований А.С. Ермолова («Русский народ. Календарь народных примет» и др.) состояла в определении роли мира флоры в обрядовой культуре [8, с. 10-28].

Взросший интерес к исследованию фитонимики с точки зрения лингвокультурологического и этнолингвистического аспектов наблюдается в конце XX века. Академик Н.И. Толстой в своих работах, посвящённых слову в контексте культуры, обрядовым предметам и действиям, особое внимание уделил символике растительного мира. Так, в статье «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях» учёный рассуждал о том, что растения, согласно народному мифологическому восприятию природы, в сознании славян имманентны, т. е. представляют собой живые существа, подобные «существам человеческим» [14, с. 333]. На основе символического определения «рода» растений учёный приходит к выводу о том, что «язык и его категории способствуют возникновению мифологического мышления и мифологических представлений» [14, с. 338]. Большой вклад в исследование «растительных кодов» внесли работы этнолингвистов: Т.А. Агапкиной, С.М. Толстой, Л.Н. Виноградовой, Т.Н. Уфимцевой, А.Л. Топоркова и др. По мнению исследователей, «культурный код», зафиксированный в языковых формах

фитонимических единиц, усваивается человеком с момента осознания своей принадлежности к определённому этносу, культуре [3, с. 9]. Представленные в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» работы учёных направлены на исследование тех фитонимических единиц, которые являются важными атрибутами обрядовой деятельности славян и находят своё отражение в фольклорных мотивах, отмеченных в песнях, играх, хороводах, загадках и т. д. [12].

Особого внимания заслуживают современные лингвистические исследования в области фитонимики, целью которых служит раскрытие сакральных смыслов, связанных с наименованиями растений. Исследовательские работы, посвящённые данному аспекту, позволяют вывести «повествование за границы исключительно растительного мира» в область самого широкого культурного контекста: от богословия к народному обряду и фольклору [16, с. 2]. Так, А.В. Часовникова в работе «Христианские образы растительного мира в народной культуре» с культурологических позиций анализирует такие наименования растений, как *петров крест*, *адамова голова*, *священная верба*. Обозначенные фитонимы рассматриваются учёным как отражение синкретического восприятия мира, построенного на сплетении в традиционной народной лексике языческих и христианских образов, при этом «народное христианство» и церковь рассматриваются в исследовании «не разведёнными по разным полюсам», а, напротив, «по принципу взаимовлияния, дополнения» [16, с. 2]. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что наименования растений позволяют познать «символический тип мировосприятия», определяющий «христианизацию» природной среды [16, с. 11–12]. Сакральный аспект исследования фитонимических единиц, в самом названии которых «скрывается уже намёк на то, что с ними связаны религиозные или апокрифические сказания» [11, с. 5], представлен и в диссертационной работе Т.Н. Бурмистровой «Сакральная фитонимия: лингвокультуроло-

логический аспект». В данном исследовании понятие «сакральное» рассматривается как с позиций «видения библейской ботаники в реалиях родной природы» [16, с. 12], так и с точки зрения широкого спектра значений: 'священный', 'обрядовый', 'ритуальный', 'таинственный', 'сверхъестественный' (например: *божья милость, белена, сердцевя трава, благовонник* и др.) [3, с. 4]. В работе приняты попытки систематизации лексического материала, представлена классификация сакральной фитонимии через призму внутренней формы, в основе которой лежат признаки, свойства именуемой растительной реалии.

Лингвофольклористический подход к анализу фитонимической лексики представлен в исследованиях М.А. Бобуновой «Динамика народно-песенной речи (на материале фитонимической лексики в необрядовой русской народной лирической песне)», А.Т. Хроленко «Введение в лингвофольклористику». Работа М.А. Бобуновой представляет собой первое монографическое описание диахронических изменений в языке русского фольклора на примере систематизации и классификации фитонимической лексики [1, с. 8]. Учёный приходит к выводу, что фитонимы играют важную роль в образовании «устойчивых языковых конструкций, которые составляют ядро поэтической фразеологии фольклора» (например: *калина-малина, трава-цветы, куст-лист*), тем самым подчёркивая значительную устойчивость лексикотематической группы «растительный мир» в языковой системе народной лирики [1, с. 8].

Лингвофольклорист А.Т. Хроленко исследует отдельные, наиболее частотные фитонимические единицы, которые функционируют в контексте народных лирических песен («калина», «малина», «виноград» и т. д.), с позиций 'фольклорного слова'. Учёный констатирует тот факт, что значения растительных реалий, особенности их бытования в фольклорных текстах определяются «человеческим аспектом», его эмоциональным миром [15, с. 49]. С антропоморфных пози-

ций на примере фитонимической лексики исследователь объясняет понятие «алогизм», которое предполагает символически оправданное «смещение» и «взаимозамену» таких фитонимов, как *берёза-рябина-сосна, малина-калина, березовая-осиновая* и т. д. [15, с. 35]. По мнению исследователя, «алогизм» «служит эффективным средством передачи эмоционального содержания песни» [15, с. 35], тем самым раскрывает семантическую ёмкость фитонима как фольклорного слова.

Как видно, перечень работ весьма обширен, но всё же нет оснований говорить о достижении полного описания фитонимии, составляющей важный фрагмент лексической системы русского языка. Приведённые в качестве примеров работы отражают основные теоретические установки и подходы, направленные на исследование фитонимии с точки зрения лингвокультурологии, одного из актуальных направлений современных лингвистических исследований. Основные положения представленных работ сводятся к следующему: наименования фитонимической лексики определяются символическими представлениями о поле растений в славянском народном мифологическом сознании; каждая фитонимическая единица в фольклорном дискурсе чрезвычайно ценна для понимания русской культуры, обрядов, традиций; исследование фитонима как единицы культуры должно быть многоаспектным и комплексным, что предполагает опору на широкий круг библейских, фольклорных и этнографических источников, т. к. только при таком подходе могут быть раскрыты его семантические особенности, сакральная и мифологическая символика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобунова М. А. Динамика народно-песенной речи: (на материале фитонимической лексики в необрядовой русской народной лирической песне): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 1990. – 22 с.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Бурмистрова Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: Автореф.

- дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
4. Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 210 с.
 5. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 420 с.
 6. Будилович А. С. Несколько замечаний об изучении славянского мира. – Спб., 1878. – 54 с.
 7. Дьяченко Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова: дисс. ...канд. филол. наук. – Курск, 2010. – 18 с.
 8. Ермолов А. С. Русский народ. Календарь народных примет. – М.: ЭКСМО, 2005. – 254 с.
 9. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. – М.: Эксмо, 2002. – 438 с.
 10. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 348 с.
 11. Сумцов Н. Ф. Очерки истории южно-русских апокрифических сказаний и песен. – Киев, 1888. – 151 с.
 12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. – М.: Международные отношения, вых. с 1999.
 13. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
 14. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: «Индрик», 1995. – 512 с.
 15. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.
 16. Часовникова А. В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. Петров крест. Адамова голова. Святая верба. – М.: Индрик, 2003. – 248 с.
 17. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1995. – 328 с.